

A man with dark hair and a serious expression stands in a misty forest. He is wearing a dark green, long-sleeved cloak with a high collar and a dark belt. The forest is filled with tall, thin trees and a soft, ethereal light filtering through the canopy. The overall mood is mysterious and atmospheric.

Артем Лесков

ПУТЬ ГЕРОЯ
ОТ СМЕРТИ К МАГИИ

ИНОГДА СМЕРТЬ — ЭТО ЛИШЬ НАЧАЛО

Артем Лесков

Путь Героя: От смерти к магии

<https://litres.ru/73982474>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычный менеджер Максим гибнет и оказывается в мире магии, где он — Избранный. Ему предстоит обуздать древнюю силу, пройти через испытания, найти верных спутников и остановить пробуждение Владыки Пустоты. Главное — найти путь домой, к жене и детям. Но сможет ли он отыскать его? Ведь смерть — это лишь начало...

Содержание

ИНОГДА СМЕРТЬ – ЭТО ЛИШЬ НАЧАЛО	4
НАЧАЛО ПУТИ	19
«ПЛОДЫ ТРУДОВ МОИХ...»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Путь Героя: От смерти к магии

ИНОГДА СМЕРТЬ – ЭТО ЛИШЬ НАЧАЛО

В тот вечер небо над городом окрасилось в багряные тона заката. Солнце уже почти опустилось за горизонт, и близились прохладная ночь. После сильного дождя, прошедшего днём, на асфальте красовались зеркальные лужи, а люди, спешившие домой после работы, старались обходить их стороной.

В толпе шёл неприметный молодой человек, почти ничем не отличавшийся от остальных. Единственное, что отличало его, было скрыто от глаз. Это нельзя просто увидеть, почувствовать или попросту понять. Ведь даже он сам не догадывался об этом.

Его звали Максим, и сегодня утром он в очередной раз пообещал себе, что вернётся домой пораньше.

Утро того дня началось как обычно. Будильник зазвенел в половине седьмого, но Максим уже не спал — он лежал,

смотрел в потолок и слушал, как за стенкой возится Аня. Звякнула кружка, зашумел чайник, детский голосок Сони что-то требовал у матери.

— Папа, вставай! — Лёша влетел в спальню и с разбегу запрыгнул на кровать. — Ты обещал купить мне машинку!

— И куклу! — подхватила Соня, появляясь в дверях. — С длинными волосами.

Максим притянул детей к себе, обнял, поцеловал в макушки.

— Всё куплю. Сегодня же зайду в магазин. — Он поморщился от запаха кофе, донёсшегося с кухни. — Аня, ты пережарила зёрна?

— Не ворчи, — донеслось в ответ. — Я тебе блинчиков напекла. Вставай, а то остынут.

За завтраком они сидели все вместе. Соня рассказывала, что в школе будет конкурс рисунков и она хочет нарисовать портрет семьи. Лёша капризничал, потому что не хотел надевать зелёную куртку — «мальчишки надо мной смеются». Аня, поправляя волосы, перекидывала календарь на телефоне.

— Макс, у Сони родительское собрание в пятницу. Ты сможешь?

— Если не будет вечерней смены, — он отпил кофе. — Ты же знаешь, сейчас сезон отгрузок.

— Знаю. — Она вздохнула. — Но дети тебя видят раз в день, и то перед сном. Может, попросишь начальника?

— Попрошу. — Максим виновато улыбнулся. — Обязательно.

Он поцеловал её в щёку, погладил Соню по голове, щёлкнул Лёшу по носу и вышел в прихожую. Накинул плащ, сунул в карман проходку и ключи. Оглянулся. Аня стояла в дверях кухни, держа на руках Лёшу.

— Ты сегодня поздно?

— Постараюсь к семи. — Он подмигнул. — И печенья куплю. Те самые, финские.

— Не забудь. — Она улыбнулась, но в глазах застыла тревога.

Максим вышел на лестничную клетку. Дверь захлопнулась. Он никогда не знал, что увидит её в последний раз.

День на работе тянулся медленно. Максим разбирал заявки, созванивался с клиентами, уговаривал одного особо упёртого директора не расторгать договор. К обеду начальник, молодая женщина с вечно озабоченным лицом, вызвала его к себе:

— Максим, у нас проблема со «Строймастером». Они требуют дополнительную партию товара, но документы не готовы. Придётся задержаться.

— Я могу, конечно, задержаться вечером, — предложил он, хотя внутри всё сжалось. — Но у меня дети...

— Понимаю, но, если мы потеряем этого клиента, премии не будет ни у кого.

Максим кивнул и вернулся на место. Набрал номер Ани — не ответила. Написал смс: «Задержусь. Куплю всё, что обещал». Ответ пришёл через час: «Ладно. Ждём».

В шесть вечера он наконец вышел из офиса. Небо уже окрасилось в оранжевое. В кармане лежали деньги, и он твёрдо решил зайти в магазинчик Арса — тот самый, где продавали финские имбирные печенья, которые так любили дети.

Он шёл по улице, по которой последние полтора года ходил на работу и обратно. «Какой-то день сурка», — с ухмылкой подумал Максим, подходя к знакомой вывеске.

— Доброго вечера, Арс, никак скучаешь после дождя? — подшучивая, поприветствовал продавца Макс.

— И тебе привет. Как твоё ничего, как семья? Давно тебя не было, с неделю не заходил, уж было подумал, что ты уехал куда... — радостно встретил Макса продавец и тут же начал собирать уже привычные покупки в пакет.

— Да нет, просто работы много было, да и смены вечерние, домой шёл, а магазинчик твой уже закрыт. У моих всё хорошо, передавали тебе привет, — улыбнулся Макс.

— Это замечательно... — Арс потянулся за коробкой с печеньем, но замялся. — Слушай, по твоему вопросу, ну... по поводу тех финских. Завтра мой братишка обещал привезти, но приедет ли — не знаю. С транспортом сейчас напруг.

— Понятное дело. Если что, номер мой у тебя есть — наберёшь.

— Договорились. — Арс упаковал в пакет ещё два «кин-дера». — С тебя как обычно... и я ещё положил твоим цветочкам пару штук. Ну грех их не порадовать.

— Ты их так скоро избалуешь, смотри. Дети не взрослые, на шею сядут — не снимешь.

— Ой, да ладно. Мне детишкам не жалко. Своих нет, так хоть чужие пускай наслаждаются.

— Ладно, Арс, я пойду. А то мои меня заждались.

— Давай. Не пропадай.

Максим вышел с пакетом и направился в сторону дома. Наконец зайдя во двор, он подошел к подъезду и стал набирать номер квартиры, но дверь открыла Аня — она уже ждала его.

— Привет, — сказала она, принимая пакет. — Дети в зале, мультик смотрят. Ты обещал к семи.

— Задержался. — Он снял плащ и вдруг почувствовал странный холодок. — Прости.

— Поднимайся. — Она поцеловала его в щёку. — Ужин скоро будет готов.

Дети набросились на него с криками «папа», повисли на шее. Соня требовала куклу, Лёша — машинку. Максим подхватил обоих и закружил.

— Всё будет, всё будет. Сначала ужин.

Они сели за стол. Аня разливала суп. За окном темнело.

Лёша ковырялся в тарелке, Соня рисовала на салфетке цветы. Обычный вечер. Тёплый, уютный, ничего не предвещающий.

После ужина Максим укладывал детей спать. Соня долго не засыпала, просила сказку. Он рассказал про колобка, потом про трёх поросят. Лёша уже сопел, уткнувшись в плюшевого мишку.

— Папа, — Соня вдруг открыла глаза. — Ты нас никогда не бросишь?

— Никогда, — ответил он, не зная, что лжёт. — Я всегда буду с вами.

Он поцеловал её в лоб, вышел в коридор. Аня мыла посуду на кухне.

— Кофе будешь?

— Давай.

Он сел за стол, взял кружку. Вкус показался горьким. Аня присела рядом, положила голову ему на плечо.

— Ты сегодня какой-то нервный. Что случилось?

— Ничего. Работа. — Он погладил её по руке. — И этот чёртов «Строймастер».

— Не переживай. Всё наладится.

Они замолчали. За окном завыл ветер. Внезапно небо озарилось яркой вспышкой — такой, что стало светло, как днём.

— Что это? — Аня вскочила.

Максим подошёл к окну. В небе пульсировало странное

свечение, будто кто-то зажёт тысячи огней. Оно росло, приближалось. Земля задрожала.

— Макс! — закричала Аня.

Он обернулся. Увидел её лицо, перекошенное ужасом. Увидел дверь детской, из которой выглядывала заспанная Соня. Хотел крикнуть «бегите», но язык не слушался.

Свет стал невыносимым. Максим почувствовал, как его тело разрывают на части. Последнее, что он услышал — собственный крик, смешанный с плачем детей. А потом — тишина.

Он падал. Бесконечно, в пустоту. Вокруг была тьма, но не простая — живая, дышащая. Иногда в ней вспыхивали искры, и тогда Максим успевал увидеть обрывки чьих-то лиц, городов, битв.

«Я умер», — подумал он спокойно, без паники. — «Как глупо. Обещал детям вернуться к семи».

Когда сознание вернулось к нему, вокруг была лишь тьма. И голос, который он никогда раньше не слышал:

— Твой путь начинается здесь, избранный. Судьба мира зависит от тебя.

Тьма вокруг казалась абсолютной, но постепенно Максим начал различать едва заметные отблески света впереди. Он попытался пошевелиться, но тело словно парализовало.

«Где я? Что происходит?» — мысли путались в голове, а воспоминания о семье и привычной жизни казались далёким

сном.

— Не сопротивляйся, — прозвучал голос, от которого по спине пробежал холодок. — Твоё сознание находится между мирами.

Постепенно зрение прояснилось. Максим оказался в странном пространстве, окутанном молочно-белым туманом. Вокруг парили светящиеся частицы, создавая причудливые узоры, а вдалеке виднелись размытые очертания других миров.

Перед ним возник силуэт, похожий на человека, но словно окутанный полупрозрачным туманом. В его глазах и на лице читалось умиротворяющее спокойствие, а одет он был в белые одеяния, словно лёгкая мантия. Его белые волосы были прямыми, словно тончайшие нити паучьего шёлка, ловящие блики рассвета.

— Кто ты? — спросил Максим, наконец обретя способность говорить.

— Меня зовут Эларион, — ответило существо. — Я один из богов нашего мира. Ты был призван сюда, чтобы помочь нашему миру в грядущей катастрофе. Здесь я помогу понять тебе твоё предназначение, то, для чего ты был призван.

Максим попытался встать, но ноги всё ещё подкашивались.

— Какое предназначение? О чём вы говорите? Где моя семья?

— Твоя семья в безопасности, — голос Элариона звучал

как шёпот ветра и течение воды одновременно. — Но время для тебя и для них теперь течёт по-разному. Ты должен понять: твоя смерть в том мире была лишь переходом в эту реальность.

— Смерть? — Максим почувствовал, как холодеет внутри. — Я ведь жив!

— Твоё физическое тело осталось там, — пояснил Эларион. — Оно в больнице, врачи борются за него. Но твоя душа, твой дух — они здесь, где начинается твоё истинное предназначение.

Максим огляделся. Туман вокруг него казался живым, а в его клубах иногда проступали образы других миров.

Внезапно светящиеся частицы вокруг них засияли ярче, и Максим почувствовал, как по его телу пробежала волна чистой энергии.

— Что это? — воскликнул он, ощущая, как силы возвращаются к нему.

— Это начало твоего преобразования, — ответил Эларион. — Твоя сущность теперь способна воспринимать магию этого мира.

Эларион взмахнул рукой, и перед Максимом возникло светящееся изображение карты.

— Это — мир, в который ты попадёшь. В твоём мире его описывают как мир меча и магии. Здесь обитают разные расы и у каждой — свои земли, своя культура, своя магия. Но всех их объединяет одно: они живут под одним небом, и сейчас

над этим небом нависла тьма.

Максим внимательно рассматривал карту. Континенты, моря, горы — всё выглядело непривычно, но в то же время завораживающе.

— Магия, мечи... что за бред? — спросил Максим.

— Магия, как и боевые навыки, доступны каждому, в ком есть врождённая предрасположенность, — ответил Эларион. — Это своего рода дары, которые пробуждаются при определённых условиях. Любой представитель любой расы может стать магом, целителем, мечником, лучником, рыцарем, кем угодно, если в нём есть искра дара. Но сейчас над миром нависла угроза, которую я не в силах предотвратить.

— Что за угроза? — спросил Максим.

— Тёмная сила пробуждается на севере, — ответил Эларион. — Древнее зло, которое было побеждено много веков назад, вновь начинает пробуждаться. И только ты можешь остановить это.

Максим почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Почему я? Разве ты сам не можешь это предотвратить? Ты же бог.

— Мы не можем вмешиваться в течение времени извне. Поэтому мы призываем души из других миров, в ком заключена сила, способная остановить это древнее зло. Поэтому ты и был призван, ведь в тебе заключена эта сила, — пояснил Эларион. — В вашем мире нет магии, поэтому она дремала в тебе всю твою жизнь с самого рождения. Но здесь, в

нашем мире, она пробудится, будет расти и развиваться вместе с тобой. Тебе лишь нужно принять её, тогда ты сможешь раскрыть весь её потенциал.

Максим задумался. Всё происходящее казалось невероятным, но его интуиция подсказывала, что Эларион говорит правду. И всё же он не мог принять это просто так — его окутывала злость за то, что его будто забрали силой из родного дома.

— А как же моя семья? Я не могу их бросить и отправиться спасать неизвестный мне мир!

— Я могу понять твоё недовольство, но исправить ход событий невозможно, — ответил Эларион. — Для них ты теперь всего лишь воспоминание, печальное и болезненное. Но есть крошечный шанс, что ты сможешь вернуться — если победишь тьму и найдёшь способ открыть портал между мирами. Не обнадёживаю, но и не скрываю.

Максим почувствовал тяжесть этих слов. Он понимал, что теперь ничего не будет как прежде. Его изнутри раздирали злость и горечь обиды.

— Эларион, скажи, есть ли хоть какие-то шансы вернуться обратно?

— К сожалению, этого я не могу знать наверняка. Всё будет зависеть от тебя самого.

— Хорошо... будь, по-твоему, — сказал он наконец. — Но у меня есть условие.

— Какое? — спросил Эларион.

— Ты мне расскажешь всё, что мне необходимо знать, чтобы не умереть быстрее, чем я попал сюда.

Эларион улыбнулся, и его улыбка осветила всё пространство.

— Хорошо, Максим, с таким условием я готов согласиться. Более того, я сам собирался рассказать тебе всё, что необходимо. Но помни: путь, который тебе предстоит пройти, будет долгим и опасным. Ты должен быть готов ко всему.

Эларион говорил Максиму обо всём, что могло бы ему пригодиться. Максим внимательно слушал, стараясь не упустить ни одной детали. Постепенно в голове у Максима начало выстраиваться чёткое представление о том, как всё устроено.

— Магия строится на шести основных элементах: огонь, земля, вода, воздух, свет и тьма. Боевые искусства в свою очередь основываются на умениях и способностях, относящихся к определённой ступени дара. Каждый маг или воин может выбрать свой путь. Но твоя сила особенная. Это редкий дар, который не появлялся в нашем мире уже несколько столетий. В разных землях живут разные расы, и каждая по-своему использует магию. Гномы славятся рунной магией, эльфы — природной, орки — шаманской. Ты встретишь их всех, если пройдёшь достаточно далеко.

Максим внимательно слушал, пытаясь осознать масштаб происходящего. Его разум всё ещё сопротивлялся реальности, но тело уже начинало привыкать к новым ощущениям.

— Как я буду управлять этой силой? — спросил он, чувствуя, как внутри нарастает волнение.

— Сначала тебе нужно научиться контролировать потоки энергии, — ответил Эларион. — Это похоже на то, как ребёнок учится ходить — сначала неуверенно, делая шаги, падая, но постепенно обретая уверенность. Но сотворить магию невозможно, просто прочитав заклинание; нужно вложить определённое количество магических сил — в нашем мире это зовётся маной. И чем её больше, тем сильнее будут твои заклинания и тем большее количество заклинаний ты сможешь сотворить. Сама суть сотворения заклинания строится на представлении его образа, и чем чётче будет образ, тем лучше будет эффект.

Максим до сих пор не мог уложить всё в голове, но старался не предаваться волнению, чтобы не упустить ни одной важной детали.

— Тебе придётся самостоятельно развивать свои навыки, открывая новые способности своей силы. Но будь осторожен: то, на что ты способен, может стать для тебя опасным не только со стороны самого себя, но и со стороны окружающих. К сожалению, мне больше нечего тебе поведать. Остальное тебе придётся узнать самому.

Эларион раскинул руки в стороны, и туман начал сгущаться вокруг них, клубясь всё выше, закрывая зрительный обзор.

— И помни, доверяй своей интуиции и не теряй бдитель-

ность, — его голос был чётким, но с каждой секундой отзывался будто эхом в глубокой пещере.

Как только густой туман рассеялся, Максиму в глаза ударил яркий солнечный свет...

...но прежде, чем свет окончательно поглотил его, Максим на миг увидел другую картину.

Палата. Белые стены, капельница, монитор с ровной линией. Аня, сидящая на стуле, обхватив колени. Её лицо опухло от слёз. Рядом — Соня и Лёша, прижавшиеся к матери.

— Папа, проснись, — шептала Соня. — Ты обещал купить куклу.

— Он нас не бросит, — упрямо сказал Лёша, хотя губы его дрожали.

Аня ничего не говорила. Она просто смотрела на мужа, на его бледное лицо, и держала за руку.

— Я вернусь, — прошептал Максим, но они не слышали. Свет погас.

Максим открыл глаза. Над ним было ярко-голубое небо, пахло травой и цветами. Он лежал на мягкой зелёной поляне, а вокруг шумел незнакомый лес.

Он медленно поднялся на ноги. Одежда на нём была другой — простая рубашка и штаны, кожаные сапоги. Рядом валялся мешок, перевязанный верёвкой. На поясе висел короткий меч в ножнах. Чуть поодаль лежал посох с белым кристаллом.

Максим огляделся. Ни души.

— Эларион? — позвал он. Тишина.

Он опустился на траву, обхватил голову руками. Плечи затряслись. Слезы смешались с потом и упали на землю.

— Простите меня, — прошептал он. — Я обещал вернуться. И я вернусь. Но сначала...

Он поднял голову, посмотрел на небо — чужое, яркое, с одним огромным солнцем.

— Сначала я спасу этот мир. А потом — любой ценой — найду дорогу домой.

Максим взял в руки посох. Серебристые линии на запястье — метка, которой пока не было объяснения — слабо мерцали.

— Ну что ж, — сказал он, и в голосе прорезалась сталь. — Начнём.

Он сделал первый шаг в неизвестность.

НАЧАЛО ПУТИ

Максиму с трудом удалось открыть глаза. Яркий свет солнца слепил намного сильнее, чем в его родном мире, и воздух здесь казался густым, наполненным какими-то невидимыми частицами. Он медленно поднялся на ноги, ощупывая окружающую реальность, и глубоко вздохнул — по телу пробежала лёгкая дрожь.

«Это не сон», — подумал он, щипля себя за руку. Боль была настоящей, острой, непривычно реальной.

Перед ним расстиралось бескрайнее зелёное море травы, колышущееся под тёплым ветерком. Вдалеке виднелись силуэты деревьев, а над головой раскинулось небо — такое чистое и глубокое, что хотелось коснуться его рукой. Ни облачка. Ни единой птицы. Только бесконечная синева.

Максим сделал несколько шагов. Трава пружинила под ногами, издавая тихий шелест, похожий на шёпот. Он поднял лицо к солнцу — оно было больше, чем дома, и светило как-то иначе, золотистее, с лёгким оранжевым оттенком по краям. Ветер принёс запах цветов и нагретой земли, и этот запах был одновременно чужим и удивительно приятным.

«Аня, Соня, Лёша... — мысли понеслись вскачь, обгоняя друг друга. — Что они сейчас делают? Видят ли они меня? Слышат ли?»

Он сел на траву, обхватив колени, и усталился в одну точку. В горле встал ком. На глаза навернулись слёзы, но он сдержался, зажмурился и несколько раз глубоко выдохнул.

— Не время, — сказал он себе вслух. Голос прозвучал глухо, непривычно. — Сначала выжить. Потом — вернуться. Я обещал.

Он разжал кулаки, посмотрел на свои ладони — на них не было ни пыли, ни мозолей. Только серебристые линии на запястье, которых он не заметил раньше. Тонкие, как паутина, они слабо мерцали на солнце.

Рядом лежал мешок, перевязанный верёвкой, который он заметил ещё до того, как встал. Максим подполз к нему, развязал узел и заглянул внутрь. Там была лишь пустая темнота — глубокая, как бездонный колодец. Казалось, если опустить руку, можно уйти в неё целиком.

— Странно, — пробормотал он и просунул руку внутрь.

Пальцы нащупали что-то мягкое, похожее на ткань. Он потянул, и из мешка, который казался не больше рюкзака, появился огромный свёрток — явно больше самого мешка. Края его свисали до земли.

— Как это работает? — удивился Максим. — Магия, наверное. Надо будет потом разобраться.

Он развернул свёрток. На траву выпали вещи: изумрудного цвета мантия, тяжёлая на вид, но легкая на вес, будто сотканная из паутины; кожаные наручи с серебряными заклёпками, холодные на ощупь; удобные штаны и рубаха из

грубой, но приятной на ощупь ткани. В отдельном кармашке лежали кожаные сапоги на толстой подошве, уже разношенные, словно их носили специально для него.

Максим задумался. Он был одет в свою обычную одежду — джинсы, футболку, кроссовки — всё в идеальном состоянии после того странного перехода. Но в таком виде он будет слишком выделяться. Он вспомнил слова Элариона о разных расах и о том, что в этом мире его будут считать чужим. Чем меньше вопросов, тем лучше.

Вздыхнув, он начал переодеваться. Джинсы показались ему вдруг слишком тяжёлыми, родными, и расставаться с ними было больно. Он свернул их аккуратно и положил в мешок. Футболку — туда же. Кроссовки — тоже.

Снимая футболку, он снова заметил серебристые линии на запястье. Теперь они казались ярче. «Метка? — подумал он. — Эларион ничего о ней не говорил». Он провёл пальцем по коже — линии были гладкими, но тёплыми, словно под ними текла кровь.

Он надел новую одежду. Рубаха сидела свободно, не натирая. Штаны — удобные, с множеством карманов. Наручи застегнулись сами, будто признали хозяина. Мантия оказалась удивительно лёгкой — она не стесняла движений, не путалась под ногами и, кажется, слегка переливалась на солнце. Сапоги сели идеально, будто шиты на заказ, и подошва мягко пружинила при ходьбе.

— Всё как по размеру, — удивился он. — Как будто меня

ждали.

Закончив, Максим снова заглянул в мешок. Теперь он знал, что тот не обманывает — внутри по-прежнему зияла темнота, но стоило просунуть руку и мысленно пожелать найти что-то, как пальцы натыкались на нужный предмет. Он потренировался несколько раз: представил меч — рука схватила рукоять; представил посох — пальцы коснулись гладкого дерева.

Он достал всё содержимое по очереди:

— Лёгкий короткий меч в ножнах. Металл тускло блестел, на лезвии не было ни царапины. Рукоять обмотана чёрной кожей, на торце — маленький зелёный камень.

— Деревянный посох с белым кристаллом на конце. Кристалл был молочно-белым, и внутри него пульсировал слабый свет, словно живое сердце. Когда Максим сжал посох, по пальцам пробежал холодок.

— Свёрток, на ощупь напоминающий грубую бумагу, а внутри — вяленое мясо, нарезанное тонкими ломтями. Запах — копчёный, с травяными нотками.

— Кожаный бурдюк с водой. Чуть тёплый от солнца.

— Маленький мешочек, внутри которого звенело что-то металлическое. Кошелёк.

Меч он повесил на пояс слева, чтобы удобнее было хватывать правой рукой. Посох взял в левую — он оказался легче, чем выглядел. Бурдюк и кошель прикрепил к поясу справа. Свёрток с мясом сунул обратно в мешок, а мешок

перекинул через плечо.

В кошельке оказались монеты: медные (большие и маленькие), серебряные и золотые. Максим пересчитал их, стараясь запомнить количество: сто пятьдесят медных (сто больших и пятьдесят маленьких), сто серебряных и двадцать пять золотых. Они были разного размера и веса, но на каждой была выбита одна и та же эмблема — корона над скрещёнными мечами.

«Неплохо для старта, — подумал он. — Но лучше потратить с умом. Вдруг здесь другие цены?»

Он отрезал кусочек вяленого мяса. Вкус был странным — не похожим на говядину или свинину, что-то среднее между олениной и копчёной рыбой, но вполне съедобным. Даже вкусным. Сделал глоток воды из бурдюка. Вода была холодной и чистой, с лёгким привкусом мяты.

— Ну что ж, — сказал он себе, поправил мантию и взял посох удобнее. — Пора двигаться.

Максим сделал несколько шагов в сторону леса, который виднелся на горизонте — тёмная полоса, обещавшая тень и, возможно, укрытие. Трава здесь была выше, чем казалось издалека, и доставала до колен. Но не успел он пройти и пятидесяти метров, как заметил вдалеке чёрное пятно на фоне зелени.

Оно росло, приближалось, и вскоре он разглядел стадо зверей, похожих на кабанов, но с огромными клыками, тор-

чащими из пастей, и шерстью, свалявшейся в колтуны. Глаза у них были красными, маленькими, злыми. Земля начала дрожать от топота множества копыт.

— Твою мать, — выдохнул он и бросился бежать.

Сердце заколотилось где-то в горле. Он бежал, не разбирая дороги, только вперёд, к спасительным деревьям. Кабаны двигались быстро, намного быстрее, чем он ожидал. Один из них, самый крупный — с клыками длиной с предплечье Максима — отделился от стада и понёсся прямо на него.

Максим мчался к лесу, петляя, как заяц, чтобы сбить зверя со следа. В голове билась одна мысль: «Деревья! За деревьями он не пройдёт! Не пролезет!»

Он влетел в пролесок, не разбирая дороги, и укрылся за густыми кустами с колючими ветками. Кабан пронёсся мимо, не заметив, и скрылся в чаще, ломая сухие ветки. Топот стада постепенно затих вдали.

Максим сидел, прижавшись спиной к стволу большого дерева, и тяжело дышал. Пот тёк по лицу, смешиваясь с пылью. Сердце колотилось так сильно, что он слышал его стук в ушах.

— Первый день, а уже чуть не сожрали, — прошептал он, пытаясь унять дрожь в руках. — Эларион, ты мог бы предупредить про местную фауну. Хотя бы намёком.

Он подождал, пока топот стихнет окончательно, прислушался — тихо, только ветер шумит в кронах. Еще немного погодя, двинулся дальше в глубь леса, теперь осторожнее, то

и дело оглядываясь.

Лес был красивым, но странным. Деревья были выше, чем в его мире — их кроны терялись где-то высоко в небе, а стволы покрывала кора с серебристым отливом, похожая на чешую. Птицы пели на незнакомых нотах — протяжных, печальных. В воздухе пахло не только хвоей, но и чем-то сладким, приторным, напоминающим переспелые фрукты.

Через пару часов Максим остановился на привал. Ноги гудели, спина ныла от непривычной тяжести мешка. Солнце уже слабо пробивалось сквозь кроны, и он понимал, что нужно устроить ночлег, пока не стемнело окончательно. Он нашёл небольшую поляну, окружённую низкими, похожими на ёлки деревьями, с мягкой подстилкой из прошлогодней хвои.

Он собрал хворост — сухих веток вокруг валялось много, лес был живым, но не захламлённым. Камни он набрал в небольшом ручье, протекавшем неподалёку. Вода в ручье была ледяной и прозрачной, а на дне виднелась галька.

Сложив камни в круг, Максим уселся на подстилку из сорванных веток и задумался.

«Эларион говорил про элементы: огонь, вода, земля, воздух, свет и тьма. Как их вызывать? Он сказал — визуализация. Представь образ. Но что значит «представь»? Как представить то, чего ты никогда не видел?»

Он закрыл глаза и попытался представить пучок огня в

виде небольшого шара. Вдруг ему вспомнился мультфильм, который смотрел с детьми — там герой создавал огненные шары, проговаривая заклинание. Но Максим не мог вспомнить слов. Они крутились на языке, но ускользали.

Он пробовал снова и снова, представляя, как пламя рождается из пустоты, как искры срываются с пальцев. Ничего не выходило. Ладонь оставалась холодной. Он уже хотел сдаться, решив, что магия — это не его, что он ошибся и дар, о котором говорил Эларион, спит в нём слишком глубоко.

Но вдруг он почувствовал лёгкое тепло.

Сначала на кончиках пальцев, потом по всей ладони — как будто он держал руки над горячей плитой. Открыв глаза, он увидел маленький красно-жёлтый огонёк, размером с грецкий орех, парящий над ладонью. Языки пламени танцевали, будто живые, и не обжигали кожу.

— Получилось! — выдохнул он, и от неожиданности огонёк погас.

Максим не расстроился — он понял, что секрет в сосредоточении. Нужно не просто хотеть, а удерживать образ, чувствовать его. Он снова закрыл глаза, представил огненный шар ярче, чётче, с прожилками оранжевого у основания. Представил, как он греет, как пульсирует в такт сердцу. И когда он открыл глаза, огонёк горел над ладонью, описывая небольшие круги, словно пританцовывая.

Аккуратно, боясь задуть или, наоборот, разжечь слишком сильно, он поднёс его к хворосту. Сухие ветки вспыхнули

мгновенно, с тихим треском. Костёр загорелся, отбрасывая тёплый, живой свет на поляну. Тени заплясали между стволами.

Максим откинулся на спину, глядя в небо, где уже загорались первые звёзды — непривычно яркие, крупные, расположенные совсем не так, как дома. Ни одного знакомого созвездия.

— Сегодня я зажёл огонь, — сказал он тихо. — Завтра — что дальше? Может, призову дождь?

Он усмехнулся собственной шутке, но внутри было не до смеха.

Посидев у костра, Максим вспомнил слова Элариона о мане — энергии, которая течёт по телу по невидимым сосудам-каналам. Он сел в позу лотоса, как когда-то делала Аня на йоге. Сначала было неудобно — ноги затекали, спина не держалась прямо. Но он поправился, закрыл глаза и попытался очистить разум.

Сначала ничего не происходило. Потрескивал костёр, шумел ветер, где-то вдалеке кричала ночная птица — монотонно, страшно. Максим думал об Ане, о детях, о том, что они сейчас делают. Представлял, как Соня обнимает куклу, как Лёша прячет под подушку машинку. Потом заставил себя выбросить эти мысли. Они были слишком болезненными, слишком реальными.

Он представил, что внутри него есть пустой сосуд. Пу-

стой и холодный. И вот в этот сосуд начинают капать тёплые капли — одна, вторая, третья. Тепло расплзается по груди, спускается в живот, поднимается к плечам, к голове.

Постепенно в груди начало нарастать тепло — сначала едва заметное, такое, что можно было спутать с жаром от костра. Но костёр был слева, а тепло шло изнутри, откуда-то из-под рёбер. Потом оно расплзлось по всему телу — до кончиков пальцев, до макушки. Он ощутил пульсацию. Ману. Слабо, но явственно.

— Так вот ты какая, — прошептал он, не открывая глаз.

Он сидел так, пока костёр не начал угасать. Потом подобрал веток, снова закрыл глаза. И в какой-то момент провалился в сон — прямо сидя, прислонившись к стволу дерева.

Сон был странным. Он стоял в пустом поле, и небо над ним было не синим, а фиолетовым. Вдалеке виднелся замок из чёрного льда, и из его ворот выходила фигура в плаще. Лица не разглядеть — только красные глаза. Голос, низкий, как раскат грома, произнёс: *«Иди, Избранный. Я жду»*.

Максим проснулся в холодном поту. Костер почти погас, но небо на востоке уже серело. Он продрог, но почему-то чувствовал себя отдохнувшим.

Утром его разбудил прохладный ветер — влажный, пахнущий мхом и цветами. Тело затекло, ноги онемели, но голова была удивительно ясной. Максим размялся, сделал несколько приседаний, чтобы разогнать кровь, перекусил вяленным мясом, сделал глоток воды и двинулся дальше.

Лес становился всё гуще. Древние деревья смыкали кроны, образуя плотный зелёный свод, сквозь который с трудом пробивались солнечные лучи — редкими золотыми стрелами. Воздух стал тяжёлым, влажным, как перед грозой, но грозы не было.

Максим шёл осторожно, глядя под ноги, чтобы не споткнуться о корни — они здесь были толстыми, как змеи, и выползали прямо на тропу. Иногда ему казалось, что корни шевелятся, переползают с места на место, но он списывал это на усталость.

Вскоре он вышел на небольшую поляну, усыпанную цветами необычного фиолетово-синего оттенка. Они светились в полумраке леса — неярко, но заметно, как маленькие фонарики — и росли по кругу, словно кто-то специально их посадил. В центре круга было пусто, и трава там была примята, будто кто-то недавно сидел.

Максим остановился, чтобы рассмотреть их, и вдруг услышал тихое пение. Мелодия была незнакомой — ни одной знакомой ноты — но удивительно трогательной, грустной. Она напоминала колыбельную, но без слов. Он пошёл на звук, стараясь ступать бесшумно.

И вышел на следующую поляну.

Женщина стояла в центре, и вокруг неё кружились светлячки, хотя был день — яркий, солнечный день. На ней было длинное платье, словно сотканное из листьев и живых цветов — они переливались, меняли оттенки при каждом дви-

жении. Серебристые волосы спускались до пояса, струясь на ветру. А глаза светились мягким, тёплым зелёным светом. Она не пела — она напевала, и каждый звук заставлял траву склоняться в такт.

— Не бойся, путник, — сказала она, не оборачиваясь. — Я ждала тебя.

— Вы... ждали меня? — Максим сделал шаг вперёд, сжимая посох. — Кто вы?

Она повернулась. Лицо её было молодым, почти девичьим, но взгляд — древним, как этот лес, как эти деревья, которые видели сотни лет. В глубине её глаз мерцали воспоминания о чём-то давно ушедшем.

— Меня зовут Лариэль. Я — Хранительница этого леса, одна из последних Сильванов. А ты... — она склонила голову, словно прислушиваясь к чему-то, что слышала только она, — ты пришёл из другого мира. Я чувствую в тебе чужеродную искру. Она холодная и горячая одновременно. Такое бывает, когда дар долго спал в теле без магии.

— Откуда вы знаете? — Максим напрягся. Он не говорил ей ничего. Даже не открывал рта.

— Лес рассказывает мне всё. Каждый лист, каждый корень, каждая травинка — мои глаза и уши. — Она подошла ближе, и Максим заметил, что её ноги не касаются земли — она парила в ладонях над травой, не оставляя следов. — Ты ищешь силу, хочешь обуздать силу внутри тебя. Это ты сможешь отыскать в древнем храме, спрятанном за этой поля-

ной.

Максим удивился ещё больше.

— Откуда вы знаете, что я ищущу? Я сам не до конца понимаю.

Ларизель грустно улыбнулась.

— Ты не первый, кто приходит в этот лес с такой целью. И, боюсь, не последний. — Она помолчала. — Но путь к тому, что ты ищешь, не прост. И плата за это высока. Ты должен знать: предыдущий Избранный тоже прошёл этим путём. Он не вернулся.

— Что с ним случилось?

— Он победил, но заплатил слишком много. — Она не ответила прямо. — Теперь твоя очередь.

— Какой путь? — спросил Максим, понимая, что спорить бесполезно.

— Трое врат, — она подняла три тонких пальца. — Первые — врата Плоти. Лес проверит твоё тело, твою выносливость и решимость. Вторые — врата Разума. Храм проверит твои мысли, твою способность отличать истину от лжи, видимое от настоящего. Третьи — врата Души. То, что ты найдёшь в храме, проверит твоё сердце. Если ты дрогнешь хотя бы на миг, ты навсегда останешься частью этих стен. Твоя душа вольётся в камень, и ты будешь бродить по коридорам вечность.

— А если я откажусь? — спросил Максим, хотя уже знал ответ.

Лариэль посмотрела на него долгим взглядом — не злым, не оценивающим, а скорее печальным.

— Тогда ты проживёшь здесь остаток своих дней. Обычных, смертных дней. Лес не обидит тебя, но и не выпустит. Ты будешь бродить между деревьев, есть ягоды, пить воду из ручьёв. И однажды, через сорок или пятьдесят лет, ты умрёшь. Никто не вспомнит о тебе. Никто. Даже боги.

Максим сжал посох. Внутри всё кипело — страх, злость, отчаяние. Но где-то глубоко, под этой бурей, теплилась искра, которую он уже начинал узнавать. Мана. И она шептала: «Иди».

— Веди, — сказал он.

Лариэль кивнула и протянула руку. На её ладони лежал небольшой кристалл, светящийся мягким голубым светом, похожим на лунный. Внутри него медленно перекатывались крошечные искры.

— Возьми. Он покажет дорогу к храму и защитит от самых слабых опасностей леса. Но помни: кристалл жив до тех пор, пока твоё сердце чисто, а намерения искренни. Как только ты солжёшь самому себе — он рассыплется в прах.

Максим взял кристалл. Тот пульсировал в такт его сердцу — тёплый, живой.

— Спасибо. Но... почему вы помогаете мне? Мы ведь не знакомы.

Лариэль отвернулась к лесу, и на миг её плечи поникли.

— Я помогаю не тебе, а миру. Если древнее зло пробудит-

ся, мой лес сгорит первым. Я слишком стара, чтобы смотреть на пепелище. И ещё... — она замолчала на мгновение, затем добавила тише: — Когда-то давно я тоже верила, что могу всё исправить. Не вышло. Победа редко приходит без платы. Иногда платят другие. Иногда — ты сам.

— Что вы имеете в виду?

— Иди. И не оглядывайся.

Максим сделал шаг, но остановился.

— Лариэль... а почему вы не пойдёте со мной? Вы же, наверное, сильны.

Она засмеялась тихо, как ветер в листве — сухо и печально.

— Сильна? — переспросила она. — Я привязана к этому лесу, как корни к земле. Если я покину его, то умру в тот же день. А моя магия здесь, среди этих деревьев, почти бесполезна против того, что ждёт тебя в храме. Ты должен пройти испытания один. Так было всегда.

Она подняла руку, и из земли вырвался поток светящейся пыли — золотистой, как пепел от костра. Он окружил Максима, осел на плечах, на волосах.

— Это мой дар — немного удачи. Теперь ступай. И помни: не верь глазам своим, верь мане.

Путь к храму занял несколько часов. Кристалл в руке мерно пульсировал, указывая направление, но лес вокруг менялся с каждым шагом: деревья становились выше, их стволы

покрывались странными светящимися рунами, которых не было раньше, а воздух наполнился сладковатым, дурманящим ароматом, от которого кружилась голова.

Максим чувствовал, как его шаги тяжелеют, словно кто-то невидимый тянул его вниз, цеплялся за ноги. Ноги гудели, спина болела от тяжести мешка, плечо ныло от посоха. Но он шёл. Он вспоминал долгие рабочие дни, когда приходилось стоять на ногах по десять часов. Вспоминал, как таскал коробки с товаром на склад. Он не был атлетом, но был упрямым. Упрямство — это тоже сила.

«Врата Плоти», — понял он.

Лес проверял его тело. Трава под ногами становилась жёсткой, будто щетина, и резала лодыжки даже через сапоги. Ветки хлестали по лицу, оставляя царапины. Один раз он поскользнулся на мшистом камне и упал, больно ударив колено о корень. Кровь потекла по ноге, тёплая, липкая.

— Вставай, — сказал он себе сквозь зубы. — Вставай, чёрт возьми.

Он встал. Сделал шаг, второй, третий. Колено болело, хрустнуло, но выдержало. И вдруг лес отступил. Ветки перестали хлестать, трава стала мягкой, аромат исчез. Перед ним открылась поляна, а на ней — древний храм.

Здание казалось частью леса: стены увиты лианами, крыша поросла мхом, в трещинах камней проросли маленькие деревца. Но что-то в нём было неестественное — воздух вокруг дрожал, как в жаркий полдень, и даже птицы облетали

это место стороной. Тишина стояла полная, давящая.

Максим подошёл к массивной каменной двери. На ней были высечены руны — не похожие ни на один язык, который он знал. Они переливались, двигались, складывались в новые знаки. Он коснулся их — и в голове зазвучали слова, громкие, как набат:

«Лишь тот, кто потерял всё, но не потерял себя, войдёт. Назови своё имя на древнем наречии».

— Я не знаю древнего наречия! — крикнул Максим в пустоту.

Никакого ответа. Только эхо, уходящее ввысь. Он попробовал произнести своё имя по-русски — ничего. По-английски — ничего. Шёпотом, криком — руны не загорались. Отчаяние накатило волной, захлестнуло с головой.

«Врата Разума. Храм проверяет мысли», — вспомнил он слова Лариэль. — «Не верь глазам своим, верь мане».

Он закрыл глаза и заставил себя успокоиться. Сделал несколько глубоких вдохов. Вспомнил, как создавал огонь — не словами, а образами, ощущениями. Может, и здесь то же самое? Не нужно знать язык — нужно представить, что ты знаешь.

Максим мысленно нарисовал образ: он стоит перед дверью, произносит не слова, а *суть* своего имени. Не звуки, а смысл. «Максим» — значит «величайший». Но не в гордыне — в том, что он способен на многое. В том, что он отец,

муж, менеджер, который умел убеждать. Он представил это чувство — уверенность, что он справится, что он *достойн*.

Руны вспыхнули голубым светом — ярко, почти ослепительно, — и дверь бесшумно открылась, выпустив облако холодного воздуха.

Внутри храма было сумрачно, но стены мерцали слабым серебристым светом, исходящим из самих камней. В центре зала, на алтаре из чёрного камня, отполированного до зеркального блеска, лежала книга. Большая, в кожаном переплёте, с металлическими уголками.

Максим сделал шаг, потом второй. Ничего не происходило. Третий шаг — и мир вокруг рухнул, рассыпался на осколки, как разбитое стекло.

Он стоял в своей квартире. В той самой, где прошло столько лет. За окном светило солнце, пахло кофе и блинами. Из кухни доносился голос Ани, живой, настоящий:

— Макс, ты идёшь завтракать? Соня уже собралась в школу, а Лёша капризничает...

Максим замер. Сердце заколотилось так сильно, что стало больно дышать. Он чувствовал запах кофе, слышал звон посуды, видел солнечные зайчики на стене — всё было слишком реальным, слишком правильным.

«Это не по-настоящему», — сказал он себе, но ноги сами понесли его на кухню.

Аня стояла у плиты, поправляя волосы. Соня болтала но-

гами за столом, а Лёша сидел у неё на коленях и тянул руки к печению. Они улыбались. Они были счастливы.

— Папа! — закричали дети хором, и этот крик разбил что-то внутри Максима.

Слёзы хлынули из глаз. Он шагнул к ним, протянул руки — и остановился.

«Врата Души. То, что ты найдёшь в храме, проверит твоё сердце».

Он закрыл глаза. Сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Вспомнил, как создавал огонь на пустой поляне, как вода сама собралась в шар над пальцами, как мана пульсировала внутри. Вспомнил лицо Лариэль, её слова: «Если ты дрогнешь хотя бы на миг, ты навсегда останешься частью этих стен».

— Вы не мои, — сказал он, не открывая глаз. — Вы только тени. Мои настоящие дети и жена живы. Я видел их в больнице. Они ждут. И я вернусь к ним. Но сначала я должен сделать то, зачем пришёл.

Он почувствовал, как видение затрещало, словно тонкое стекло под давлением. Голос — не Ани, а чего-то древнего, холодного — прошептал с укором:

«Ты бросаешь их. Ты выбрал чужой мир вместо родного. Они плачут по ночам. Они не знают, жив ты или мёртв».

— Я не бросаю! — крикнул Максим, и голос его сорвался на хрип. — Я спасаю их! Если зло вырвется на свободу, оно уничтожит все миры — и этот, и мой. Аня, Соня, Лёша —

все погибнут. Я не могу этого допустить!

Стекло разбилось с оглушительным звоном. Осколки посыпались на пол, растаяли в воздухе, и он снова оказался в храме. Один. Книга на алтаре светилась ярче прежнего — золотым, тёплым светом.

Максим подошёл к ней и, не колеблясь больше ни секунды, коснулся обложки.

В тот же миг его пронзила острая боль. Тысячи игл, раскалённых и ледяных одновременно, впились в ладонь, и по руке побежали чёрные узоры, похожие на трещины в стекле — от пальцев до локтя, от локтя до плеча. Максим закричал, но не отдернул руку. Он чувствовал, как книга вытягивает из него что-то важное — воспоминания? Эмоции? Часть души?

А потом боль исчезла так же внезапно, как и началась. Узоры на руке поблекли, превратившись в едва заметные серебристые линии — те самые, которые он заметил утром на поляне. Теперь они стали ярче, чётче, и, кажется, пульсировали в такт его сердцу.

В голове зазвучал голос — не Элариона, не Лариэль. Древний, усталый, но спокойный. Он звучал отовсюду и ниоткуда одновременно.

«Ты прошёл. Теперь Гримуар — твой. Но помни: каждая страница будет требовать плату. Твои сны. Твои воспоминания. Твою боль. Твои страхи. Ты готов заплатить?»

— Какая плата? — спросил Максим, всё ещё тяжело ды-

ша, вытирая пот со лба.

«Ты уже заплатил первую. Попробуй вспомнить, чего боялся в детстве. Не получается? Вот видишь. Страх ушёл. Взамен ты получил огонь. Справедливая сделка».

Максим попытался вспомнить. Темнота? Высота? Закрытые пространства? Гром? Что-то было, но сознание натыкалось на пустоту — ровное, гладкое ничто. Жутковатое ощущение: знать, что что-то было, и не помнить.

— Что ещё ты заберёшь?

«Всё, что тебе не пригодится в пути. Но ты будешь выбирать сам. Открывая страницу, ты увидишь цену. Если не согласен — не открывай. Всё просто. Книга не принуждает. Она предлагает».

Максим посмотрел на книгу. Страницы сами раскрылись, и он увидел письма, которые — он понял это с ужасом — он мог читать. Не потому, что знал язык, а потому, что книга сама переводила для него, вкладывая смысл прямо в сознание.

На первой странице было написано:

«Заклинание: Огненный шар (Ученик).

Визуализация: сфера раскалённого камня, сжимающаяся до размера кулака, затем вырывающаяся вперёд.

Плата: воспоминание о первом испуге.

Плата уже взята. Заклинание доступно».

— Ты забрала мой детский страх? — спросил он книгу, чувствуя, как холодок бежит по спине.

Гримуар не ответил, но страница перелистнулась сама собой, открывая следующую.

«Заклинание: Сотворение воды (Искра).

Визуализация: шарик чистой, прозрачной воды, собранной из воздуха.

Плата: ощущение голода на один день (добровольно).»

Максим закрыл книгу и сунул её в мешок. Пальцы всё ещё дрожали.

Когда он повернулся, чтобы уйти, заметил, что кристалл, данный Лариэль, потускнел — из голубого стал серым, мёртвым. А как только он перешагнул порог храма, кристалл раскололся на множество мелких осколков, которые разлетелись по поляне и с тихим звоном впитались в землю, оставив после себя только лёгкое свечение.

— Прощай, Лариэль, — прошептал он, зная, что она услышит. — Спасибо за всё.

Лес вокруг изменился. Он больше не давил, не проверял, не хлестал ветками — он словно приветствовал Максима, пропуская его вперёд, как старого знакомого. Птицы запели громче, и даже ветер стал теплее, принёс запах цветов.

Максим сделал глубокий вдох, поправил лямку мешка и двинулся дальше, туда, где, как он надеялся, лежал путь к людям. Туда, где будет еда, ночлег и, возможно, ответы.

А далеко на севере, за Перевалом Ветров, в замке, высе-
ченном из чёрного льда, двое красных глаз открылись впер-
вые за тысячу лет. Тело, спавшее в ледяном саркофаге, ше-
вельнулось — первый раз за сотни лет. По стенам побежали
трещины, с потолка посыпалась ледяная крошка.

— Он пришёл, — прошептал голос, от которого трескал-
ся камень. — Новый Избранный. И он слабее предыдуще-
го. Его мана — всего лишь искра. Его воля — всего лишь
упрямство.

— Прикажешь убить? — спросила тень, склонившаяся у
трона. В её голосе не было страха, только любопытство.

— Нет. Пусть идёт. Пусть соберёт союзников. Пусть пове-
рит, что может победить. Пусть возьмёт Гримуар, пусть вы-
учит заклинания, пусть обретёт надежду. А когда его надеж-
да достигнет пика — мы сломаем его. И его душа станет по-
следним ключом к моей свободе. Печать падёт, и этот мир
сгорит.

Тень замерла на мгновение, затем низко поклонилась.

— Слушаюсь, господин Мор'Тал.

Красные глаза закрылись. Лёд снова сомкнулся, скрыв чу-
довище от всего мира.

Но трещины на стенах остались

«ПЛОДЫ ТРУДОВ МОИХ...»

Два дня прошло с тех пор, как Максим нашёл книгу в храме, но он так и не решился начать изучать её. Его терзало сомнение, что он попросту не справится с настолько обширными знаниями, хранящимися в ней. Каждый раз, когда он протягивал руку к Гримуару, внутри поднималась волна тревоги: «А вдруг плата окажется слишком высокой? А вдруг книга заберёт что-то, без чего я не смогу жить?» Он откладывал чтение, обещая себе начать завтра, но завтра наступало, и всё повторялось.

Книга будто пыталась заговорить с Максимом, особенно после того, как он впервые открыл её в том храме. Ему казалось, что она шевелится в мешке по ночам, когда он засыпает. Сны и образы постоянно сплетались в круговорот и не давали Максиму ни минуты покоя — то ему виделись горящие глаза на севере, огромные, как озёра, и в них — бездна, в которой можно утонуть; то лица Ани и детей, которые звали его, протягивали руки, но он не мог до них дотянуться, словно между ними выросла невидимая стена из толстого стекла. Он просыпался в холодном поту, долго сидел, глядя на огонь угасающего костра, и прислушивался к шорохам ночного леса.

«Они там, в моём мире, — думал он, сжимая кулаки. —

Ждут. Надеются. А я здесь сижу и боюсь открыть чёртову книгу».

Стараясь утихомирить этот бурный поток будто бы чужих мыслей, Максим решил сконцентрироваться на контроле маны, и, на своё удивление, старания не прошли даром. За эти несколько дней он достаточно хорошо стал владеть собственной маной, пусть и не без ошибок, но их стало значительно меньше. Он научился чувствовать, как энергия течёт по невидимым каналам внутри тела — сначала слабо, как тонкий ручеёк, пробивающийся сквозь камни, а затем всё увереннее, полноводнее. Он мог разгонять её по телу, собирать в ладони, даже выпускать наружу в виде слабых искр. Иногда он перебарщивал, и тогда мана обжигала изнутри, заставляя вздрагивать и шипеть от боли, но это была полезная боль — боль роста, боль пробуждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.